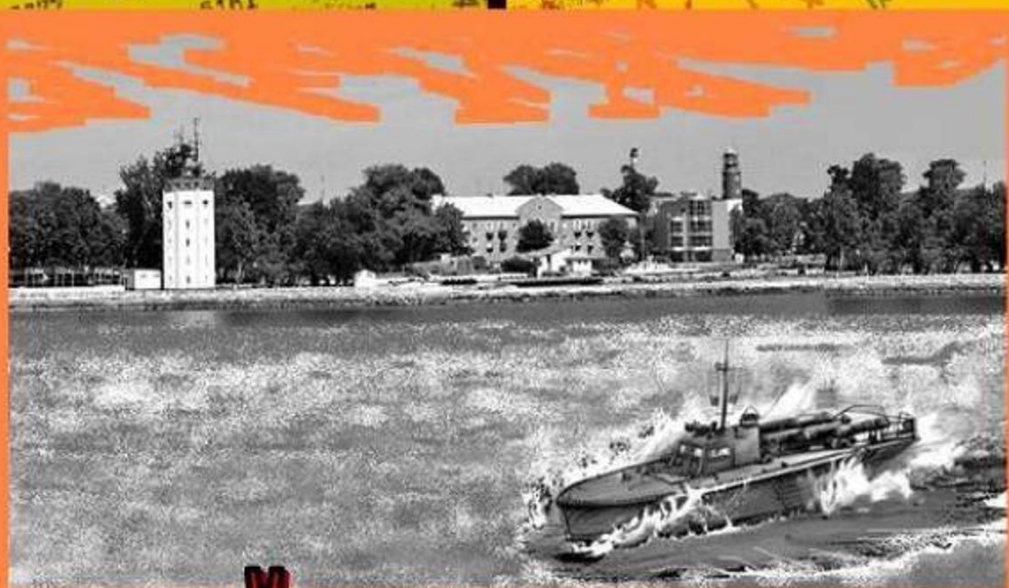

WESTERN
GRAM
ШИФРОВКА
Валентин Олейников

АТАКА НА КРЕЙСЕР "КИРОВ"

ЗАБЫТЫЙ МЯТЕЖ

18+

Валентин Олейников

**Атака на крейсер
"Киров"-забытый мятеж**

«Автор»

2026

Олейников В.

Атака на крейсер "Киров"-забытый мятеж / В. Олейников —
«Автор», 2026

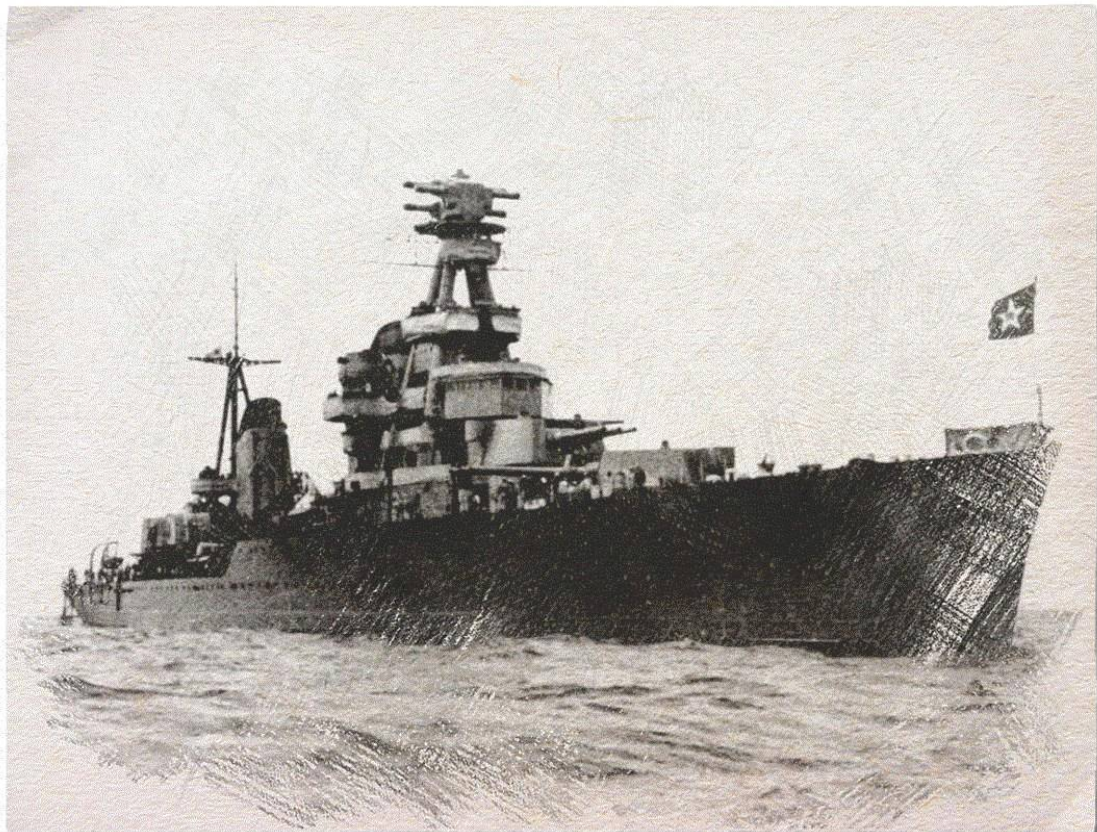
В основу этой повести Олейникова В. В. «Атака на крейсер Киров — забытый мятеж» легли воспоминания, рассказанные автору бывшим командиром звена, затем отряда катеров Балтийского флота в годы Великой Отечественной войны капитаном 1-го ранга в отставке Богдановым А. Н. События развиваются в послевоенном городе Пиллау (ныне Балтийске), где на вновь созданной военно-морской базе комендантом города становится бывший полицей-каратель. Под прикрытием службы он готовит диверсию против Балтийского флота, его цель — уничтожение артиллерийских складов в Приморске и крейсера «Киров».

© Олейников В., 2026

© Автор, 2026

Валентин Олейников

Атака на крейсер "Киров"-забытый мятеж

В основу этой повести **Олейникова В. В. «Атака на крейсер Киров — забытый мятеж»** легли воспоминания, рассказанные автору бывшим командиром звена, затем отряда катеров Балтийского флота в годы Великой Отечественной войны капитаном 1-го ранга в отставке Богдановым А. Н.

События развиваются в послевоенном городе Пиллау (ныне Балтийске), где на вновь созданной военно-морской базе комендантом города становится бывший полицей-каратель. Под прикрытием службы он готовит диверсию против Балтийского флота, его цель — уничтожение артиллерийских складов и крейсера «Киров».

По-разному складываются судьбы моряков-балтийцев, прошедших через горнило войны. Одни становятся героями, а другие предателями, маскируясь чужими заслугами.

Благодаря этой книге мы теперь узнаем, что «легендарный комендант» и «герой-катерник» — это персонажи теневой истории Балтийска, чьи преступления были скрыты цензурой и мемуарной мифологией, легендированием прошлого новоявленными героями.

Не все участники этих событий будут привлечены к ответственности в силу сложившихся обстоятельств и потери бдительности на местах.

Спустя годы один из участников заговора пытается добиться звания Героя Советского Союза, используя чужие заслуги.

Эта книга — не суд над прошлым. Это попытка понять: как в одном человеке уживаются герой и предатель и почему правда часто прячется за семью печатями.

История, основанная на малоизвестных фактах и городских легендах Балтики, поднимает вопросы исторической справедливости и цены молчан

Предисловие

Эта книга родилась из истории, которую мне рассказал ветеран Александр Николаевич Богданов. Он поведал о попытке предателей атаковать крейсер «Киров» на торпедном катере «Д-3» и бежать в Швецию.

Я помню тот вечер, когда Богданов впервые заговорил о «Кирове». Мы сидели у него дома, на стене висела карта Балтийского моря. Он долго молчал, постукивая пальцами по столу, а потом тихо сказал: «Ты думаешь, это просто легенда?» Рассказ действительно звучал как легенда — и, признаться, я не сразу ему поверил.

Бывший сослуживец, писатель-маринист Владимир Шигин, с моей подачи заинтересовался историей, которую рассказал ветеран Богданов А. Н. Запрос в КГБ подтвердил: официально такого случая не зафиксировано. Историю считали городской легендой, в том числе по

коменданту г. Балтийска Бороде, которые десятилетиями передаются из уст в уста.

Почему я ему поверил? Потому что такие подробности не выдумаешь, которые озвучил Богданов.

Александр Николаевич был человеком прямым и честным, он знал детали, доступные лишь тому, кто участвовал в раскрытии преступления. Боевой офицер, награждённый четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Ленина и Красной Звезды, не считая медалей.

Я знал по личному опыту, как работают спецслужбы, служил тогда в Политуправлении Балтийского флота. В интересах государственной безопасности они могли создавать дезинформацию для западных разведок — чтобы в случае утечки реальной информации о ЧП на флоте картина событий выглядела иначе.

Позже я стал свидетелем, когда в 1975 году, в год 30-летия Великой Победы, произошёл другой мятеж — на большом противолодочном корабле «Сторожевой». Об этом написал Владимир Шигин в книге «Мятеж „Сторожевой“. Последний парад капитана 3-го ранга Саблина». История Шигина, в отличие от рассказа Богданова, получила документальное подтверждение. Она стала грозным предзнаменованием будущего идеологического краха — и заставила меня задуматься: сколько ещё подобных событий скрыто от нас завесой секретности?

Когда я узнал о мятеже на «Сторожевом». Два события, разделённые годами, вдруг сложились в тревожную картину: флот, как зеркало страны, уже тогда дал трещину.

После распада СССР многие архивы открылись, но материалы по атаке на «Киров», если они существовали, остались засекреченными. Документы по событиям 1953–1954 годов могли быть уничтожены за ненадобностью или по-прежнему храниться под грифом «Совершенно секретно».

Многие свидетели ушли из жизни, другие давали подписку о неразглашении.

Вспоминаются слова начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерала армии Алексея Епишева, сказанные в 1967 году: «Кому нужна ваша правда, если она мешает нам жить». Тогда эта фраза казалась циничной, но позже я понял её смысл. Устоявшиеся взгляды граждан, воспитанных в духе марксизма-ленинизма, рухнули, когда стало ясно: многое из обещанного десятилетиями не выполнялось. Люди столкнулись с вопросом: как дальше жить?

Я тоже попал под жернова системы: после участия в ГКЧП меня уволили из Вооружённых сил. Этот опыт научил меня ценить правду — даже если она неудобна. И заставил вернуться к истории Богданова.

Почему он рассказал её только через много лет? Вероятно, из-за подписки о неразглашении. Возможно, он считал, что некоторые враги так и не понесли наказания, а их покровители всё ещё влиятельны. Для Богданова, катерника по профессии, эта история была личной трагедией флота — пятном на репутации тех, кто служил честно. Он хотел снять подозрения с невиновных, и правда для него была важнее молчания.

В 1994 году Александра Николаевича не стало. Эта повесть — мой долг перед ним. Через вымысел я пытаюсь восстановить правду, которой нет в документах, — как акт исторической справедливости.

Глава первая

Вовка Ковтун — детство, юность и отрочество.

Пятилетний Вовка в одних трусах сидел на бетонном крыльце бабушкиного дома, греясь на утреннем солнце. В руках он вертел ржавый взрыватель от снаряда — нашёл его вчера у забора — и деловито стучал молотком, пытаясь сбить комья засохшей глины.

Утро было на удивление безветренное. Слышно было щебетание ласточек, которые кружили, как в вальсе, над головой сидящего малыша. Солнце величаво поднималось вверх, обнажая лучами худенькое тельце ребёнка, лаская его кожу теплом.

У Вовки была своя тайна от родителей, и о ней знала только бабушка. Он собирал всё военное, что было брошено гайдамаками Петлюры в Гражданскую войну, а потом бандой Зелёного, которые промышляли от Елизаветграда до Ольгополя. Их обозы часто стояли во дворе у дома на краю села. Когда бандиты напивались вусмерть, они дебоширили и теряли свои трофеи. Так в коллекции бабушкиного внука появился широкий немецкий штык-тесак от винтовки «Маузер» и кожаный патронташ на поясной ремень с двумя секциями для обойм с патронами. Видимо, и взрыватель был из той же обозной кучи, брошенной бандитами.

Родители Вовки уехали на подводе в соседнюю деревню на рынок. Бабушка не обращала внимания на внука, так как была занята хозяйством: кормила корову и поросёнка.

Вдруг она заволновалась, вспомнив о внуке. Бросилась к Вовке и от испуга неожиданно закричала:

— Ты что делаешь? Выбрось молоток!

Вместо молотка Вовка выбросил взрыватель, который покатился по земле и, ударившись о кирпич, валявшийся во дворе, — взорвался. Запахло серой от взрыва. С перепугу от взрыва и боли он сильно закричал и стал неистово рыдать, размазывая ручками кровь по лицу. В подбородок впился острый осколок, небольшой по размеру. Баба Варя от увиденного упала ничком без чувств.

Вовка тоже притих. От страха и боли он потерял сознание. На звук взрыва прибежал пятидесятилетний сосед Яков, который воевал в Первую мировую.

Он аккуратно вынул из подбородка Вовки осколок, промыв поражённое место чистой питьевой водой, и, разжевав тысячелистник, залепил этой массой ранку, чтобы остановить кровь. Потом привёл в чувство бабу Варю, побрызгав ей в лицо холодной водой из колодца.

Якова все боялись. Он был какой-то чокнутый, его так и называли «Яков чок-чок». Длинная седая борода чуть ли не по пояс, непричёсанные длинные волосы на голове, как разворошённая копна сена. Практически ни с кем не общался. Говорили, что он был контужен взрывом немецкого тяжёлого 210-мм снаряда. Его вытащили из окопа, засыпанного землёй. Левая рука болталась, как плеть, после перелома. Всё потихоньку менялось в его жизни. Бог его «отблагодарил» такой же, как он сам, женой Маруськой. Как говорили в селе: «Якэ йшло, такэ и здыбало». Злая и жадная была, и завистливая. Не пропускала ни одной свадьбы или похорон. Так как в деревне не было священника, она взяла эту миссию на себя: читала Псалтырь по благословению и за упокой. За что местные крестьяне благодарили её продуктами или остатками еды, оставшейся после свадьбы или поминок.

Яков почти ничего не делал. Целое лето ходил по деревне в нижнем белье — кальсонах, белых солдатских, и такой же рубашке, что придавало ему вид лешего из преисподней. На замечания стариков ворчал:

— Что вы меня строите за одежду? Посмотрите, в чём ходит председатель сельсовета. У него такие же белые штаны и рубашка, а на голове ещё и белый картуз.

После сказанного хохотала вся деревня гомерическим смехом.

После всех спасательных работ Яков промышчал:

— Вовка, ты как бомба немецкая — положил бабку рядом одним взрывом... даже без осколков!

Так и закрепилась за Вовкой кличка «Бомба немецкая».

После возвращения с рынка Вовкиных родителей криков и скандала не было — происшедшее как-то само по себе успокоило всех. Главное — ребёнок живой, а рана затянется. А будущего мужчину шрам украсит мужественностью...

Если бы они знали, что этот шрам определит судьбу их ребёнка! Придётся ему скрывать эту отметину широкой окладистой бородой, скрывая не только шрам, но и изменяя своё лицо, чтобы быть неопознанным за свои «прошлые грехи»...

Вовчик обрадовался. Баба Варя молчала. Ни слова не проронила против внука, будто всё произошло случайно, а не как показатель черты его характера. Главное: Вовкина тайна не была раскрыта, так как это тоже был результат его тяги к опасным предметам, которые со временем приведут к опасным «играм» или делам.

Вовчик сразу смекнул, что не всё в жизни наказуемо, если схитрить или обмануть, а может, «правильно рассказать». Это был поучительный день для всех.

Якова не оставляли мысли, роившиеся в его косматой голове: «У меня своих детей нет и уже точно не будет. Надо Вовчика сделать своим помощником».

Маруся всю жизнь была легкомысленной и не хотела даже говорить на эту тему. Не любила детей. Выросла в семье, где было ещё двенадцать братьев и сестёр. Делили каждую краюху хлеба.

Вовка понравился своей мальчишечьей покорностью и терпеливостью, а главное — смышлёный. Лишнего не болтает.

Так зародилась дружба между ними. Яков всегда находил повод, чтобы встретиться с соседским мальчиком. То придёт бабе Варе что-то по мелочам помочь, то Вовке сделает лук со стрелами или деревянное ружьё. Как-то утром он принёс маленького щенка — оказалось, это была сучка. Вовчик заплясал от радости, а баба Варя махнула рукой:

— Да уж бери!

Собачку назвали Булькой из-за огромных выпученных глаз.

Жена Якова не перечила их дружбе — только бы Яков не ворчал.

Когда делать было нечего, Яков начал рассказывать Вовке, как он воевал в Первую мировую. Вовчик слушал раскрыв рот. Он уже был очарован соседом и неотступно следовал за ним.

Особенно Вовке нравились истории о войне, когда русские солдаты братались с немцами. Яков с восхищением рассказывал, какие они хозяйственные, умные, весёлые и могут быть настоящими друзьями.

Родители не мешали их дружбе. Вовка стал послушной и своей бабушке помогал по хозяйству: то травы нарвёт для поросёнка, то корову пригонит домой после выпаса деревенского стада или нальёт воды в жёлоб для питья коровы. Такие нехитрые поручения он выполнял с удовольствием, после которых баба Варя называла его молодцом-удальцом.

В свободное время Яков стал обучать Вовку грамоте. Рисовал на песке буквы, заставлял их запоминать, а потом читать, складывая в слова. У Якова образования никакого, кроме двух классов церковно-приходской школы в соседнем селе за полтора километра от дома. Ему самому нравилось, что его понимают: теперь он мог общаться с другими людьми, узнавать новости и обсуждать их со своей женой и Вовкой.

Вскоре Яков решил разнообразить свою еду. Попросил Вовчика залезть в виноградник в огороде соседского дома, нарвать ягод.

— Не бойся, там никого сейчас нет. Все на работе, — хитро прищурил глаза.

— Я и не боюсь! — ответил Вовка.

— Ты всё равно смотри по сторонам, чтобы никто не видел! Делать это надо по-пластунски, как на войне, оглядываясь вокруг, — наставлял он мальчишку.

После этого «ползания за виноградом» все остались довольны. Особенно Вовка. Впервые наелся от пуза. Дома такой роскоши, кроме вишен и грецких орехов, не было.

Вовка ещё несколько раз пробирался в соседский виноградник — каждый раз по наущению Якова. Тот всё так же хитро прищуривался и напоминал про «военную тактику»: ползти низко, оглядываться, прятаться за кустами. Мальчишка выполнял указания с рвением новобранца, а потом с восторгом делился добычей с Яковым и Булькой — та радостно виляла хвостом, получая сладкие ягодные хвостики.

Однажды, когда Вовка, притаившись за большим бочонком, обрывал сочные грозди, он услышал шаги. Сердце замерло, потом застучало как бешеное. Он замер, вжавшись в землю, и сквозь листву увидел соседку — тётку Марфу. Она медленно обошла огород, подозрительно оглядываясь, что-то бормоча себе под нос. Вовка не дышал, пока она не ушла.

Вернувшись домой, он дрожащими руками протянул Якову горсть винограда.

— Что, струхнул? — усмехнулся тот. — Это хорошо. Страх — он учит осторожности. А осторожность — первое дело в любом серьёзном деле.

Вовка кивнул, но в груди поселилось странное чувство. Раньше всё казалось игрой: ползание по-пластунски, тайные походы, заговорщицкие улыбки Якова. Теперь же он впервые отчётливо понял: это воровство. И если его поймут, будет скандал, позор, наказание...

В следующий раз, когда Яков снова предложил «сходить за виноградом», Вовка замялся.

— Да не дрейфь! — похлопал его по плечу сосед. — Мы же аккуратно. Никто и не заметит.

— А если заметят? — тихо спросил мальчик. — Тётка Марфа вчера почти поймала меня...

Яков нахмурился, помолчал, потом вдруг улыбнулся:

— А знаешь что? Ты прав. Пора переходить к чему-то более... солидному. Есть у меня план. В лесу, за старой мельницей, растёт малина — дикая, сладкая, её там на всех хватит. И никто не хватится. Пойдём завтра?

Вовке стало легче. Малина в лесу — это же не чужой огород. Это природа, общее. И всё же где-то внутри остался неприятный осадок.

Тем вечером, помогая бабе Варе поливать грядки, он нерешительно спросил:

— Баба Варя, а если кто-то берёт чужое, но ему очень надо... это всё равно плохо?

Старуха выпрямилась, оперлась на лейку, внимательно посмотрела на внука.

— Вовчик, — медленно сказала она, — нужда — она душу проверяет. Кому-то она злобу да жадность открывает, а кому-то — смекалку да доброту. Если тебе чего не хватает, иди и попроси. Или заработай. А чужое брать — оно душу чернит. Потом от этой черноты не отмоешься.

Слова бабы Вари долго крутились в голове Вовки. На следующее утро, когда Яков уже стоял у калитки, помахивая самодельным посохом для «похода за малиной», мальчик вышел к нему и твёрдо сказал:

— Я не пойду. Баба Варя говорит, чужое брать нельзя.

Яков помрачнел. Лицо его на мгновение исказилось, в глазах мелькнуло что-то жёсткое, незнакомое. Но тут же он рассмеялся, хлопнул Вовку по плечу:

— Ну и ладно! Значит, вдвоём с Булькой пойдём. А ты тут оставайся, помогай бабушке. Молодец, что честный.

Он развернулся и зашагал прочь. Вовка смотрел ему вслед и чувствовал одновременно облегчение и какую-то тоску. Будто оборвалась ниточка, которая связывала его с чем-то заманчивым и опасным.

Булька, словно почувствовав настроение хозяина, ткнула носом ему в ладонь. Вовка погладил её лобастую голову и улыбнулся. Впервые за долгое время он точно знал, что поступил правильно.

Вовка и не подозревал, что Яков лепит из него удобного «братана» на все случаи жизни — послушного, готового служить и выслуживаться, — и одновременно возвращает в нём само-

любие, ставит личное эго превыше всего. Зная тягу Вовки к военному образу жизни, он целенаправленно воспитывал в мальчишке бойцовские качества.

Яков научил его стрелять из лука, помог изготовить самопал — или, как называли его подростки, «поджигу». Устройство было незамысловатым: медная трубка, одна сторона которой расклёпывалась, чтобы не выпускать газы, а с другой засыпался порох или сера от спичек. Затем набивали дробь, мелкие кусочки гвоздей или проволоки и забивали сверху бумажный пыж. Сбоку, ближе к расклёпанной части, делалось отверстие, а напильником пропиливалась бороздка для укладки головки спички. Всё это крепилось на деревянную основу в виде пистолетной рукоятки.

Так Яков приучал Вовку к безжалостным поступкам — ради удовольствия и унижения других, чтобы тот доказывал своё превосходство.

Через несколько часов Яков вернулся с ведёрком, полным малины.

— Что, братан, соскучился без меня? Отнеси-ка бабе Варе малинку на варенье — зимой от хвори разной очень полезная штука! — потрепал он Вовку по холке.

Вовка виновато опустил голову.

Яков нарочито шутивно продолжил:

— Ничего, завтра пойдём вместе в лес — испытаем наш самодельный пистолет да ягод нарвём для твоей бабульки.

Новоиспечённый «братан» радостно кивнул. Так его ещё никто не называл — и никто не относился к нему как к равному, да ещё и братом обозвал. Да и малины Яков отсыпал — целую литровую банку.

— Возьми, покушай! Можно и сахарком посыпать, и молочком запить, — снова хитро улыбнулся он.

Яков знал: в доме бабы Вари испокон веков сахара не водилось — разве что молочко от коровы.

— А что такое сахарок? — удивлённо спросил Вовка, разглядывая белую крупинку на ладони Якова.

Вовка осторожно потрогал кристаллик пальцем — тот оказался твёрдым и холодным. На языке сразу возникло воспоминание о чём-то сладком, хотя он и не мог вспомнить вкуса.

— Это когда из сахарной свёклы выпаривают сладкий сок, потом, после кристаллизации и очистки, делают его в виде песка или формируют кусковой, который потом дробят специальными кусачками, — уверенно объяснил Яков. Он знал, о чём говорил: во время войны, когда немцы устроили чаепитие, он стащил кусачки и кусок сахара.

Яков взял крупинку и положил себе на язык.

— Вот так. Попробуй.

Вовка нерешительно протянул руку. Когда кристаллик растаял на кончике языка, по всему телу разливалась тёплая волна удовольствия. Он никогда не испытывал ничего подобного.

— Приходи, я тебе покажу! — снова таинственно улыбнулся Яков.

Этим он вызывал у Вовки желание попробовать недоступное и зависть: у них дома сахара нет, а вот у неработающего Якова — всё есть.

На следующий день Яков, как и договаривались, зашёл за Вовкой, и они отправились в лес. Перед уходом он напомнил:

— Обойму с пятнадцатью патронами, которую мне показывал, не забудь прихватить с собой!

До леса дошли быстро. По дороге Яков внушал Вовке, для чего нужно оружие:

— Оно нужно, чтобы защищаться от врагов и мстить тем, кто тебе обиду нанёс! — голос Якова звучал весомо, почти торжественно. — Видишь ли, Вовка, настоящий мужчина должен уметь постоять за себя. Иначе все будут тебя обижать, топтать, как сорную траву.

Солнце пробивалось сквозь ветви, бросая пятнистые тени на тропинку. Вовка шёл следом за Яковым, чувствуя, как в груди нарастает странное волнение — смесь страха и восторга.

Он достал уже заряженный самопал. Закрепил с помощью скобочки, вбитой на пистолетной рукоятке, спичку — так, чтобы она плотно прилегала к боковому отверстию.

— Держи, — Яков протянул оружие Вовке. — Чувствуешь, какой он тяжёлый? В этом самопале — сила. Настоящая мужская сила.

Вовка неуверенно взял самопал. Пальцы слегка дрожали.

— Наведи на голубей, — командовал Яков. — Вот так. Теперь чиркни коробочкой по спичке. Не бойся, я рядом.

Вовка чиркнул по спичке. Вспышка, оглушительный грохот — и два голубя, только что мирно ворковавшие на кусте, рухнули в траву. — Теперь на ужин мне будет знатная жарёха, — сказал Яков.

На мгновение всё вокруг замерло. Воздух наполнился едким запахом пороха. У Вовки заложило уши, руки дрожали так сильно, что самопал чуть не выпал. В груди бушевала странная буря: с одной стороны — ужас оттого, что он только что сделал, с другой — пьянящее ощущение власти.

Он только что изменил мир. Навсегда.

— Молодец! — похвалил Яков и деловито добавил: — Теперь мы всех бродячих котов и собак в деревне истребим.

— Бульку тоже? — заикаясь, спросил Вовка. Он вспомнил, как Булька, лохматая дворняга с добрыми глазами, согревала его зимними ночами, укладываясь у ног.

— Нет, Бульку трогать не будем — она наша! Своих не трогаем.

Вовка посмотрел на Бульку, которая бежала впереди, весело помахивая хвостом, и почувствовал, как внутри что-то щёлкнуло. Где проходит эта граница — «свои» и «чужие»? Почему голуби — не «свои»?

Они шли обратно, и Вовка всё время смотрел на Бульку. Собака весело бежала впереди, то и дело оборачиваясь, будто проверяя, идут ли они следом.

В кармане лежал самопал — холодный ствол, тяжёлая рукоять из дубовой доски и не по размеру кармана. Вовка то и дело ощупывал его через ткань штанов, словно проверяя, не исчез ли.

— Ну что, братан, понравилось? — подмигнул Яков. — Завтра ещё пойдём?

Вовка кивнул, но в голове крутилась мысль: «А что, если в следующий раз это будет не голубь?»

Дома баба Варя встретила их у калитки.

— Ох, Вовка, где ж ты был? Я уж волноваться начала! — она обняла его, и от её старческого платья пахло травами и хлебом.

Вовка прижался к ней, вдыхая знакомый запах. И вдруг остро почувствовал, как ему хочется остаться здесь, в этом тёплом мире, где нет выстрелов и смерти. Но в кармане всё равно лежал самопал.

Когда баба Варя ушла кормить поросёнка, Вовка достал самопал и засунул его в соломенную крышу курятника — туда точно никто не полезет. Там гнездились воробьи со своими птенцами.

На следующее утро Яков снова зашёл и попросил бабу Варю отпустить с ним Вовку на прогулку. У неё было какое-то внутреннее напряжение. Она строила догадки: куда и зачем зачастили в лес. Соседка Марфа сказала, что люди слышали выстрелы за селом. Может, местные мужики охотятся на куропаток и фазанов. Погода была ясная, только ветер шумел в листве вековых дубов. Баба Варя про себя прошептала: «Не сделал бы Яков из Вовки бандита! Одно время хвастал, как после Первой мировой с „Маузером“ потрошил в поездах переселенцев. Может, и врал. Похоже на правду».

Они шли по лесу уже около часа, под ногами хрустели сучья. Кругом чувствовалась влага и запах хвои. Когда Яков вдруг остановился у старого дуба с дуплом почти у самой земли. Ветви дерева, покрытые мхом, нависали над тропой, создавая сумрачный полумрак. Дупло было похоже на тайник с опасными секретами.

— А вот и сюрприз, — подмигнул он Вовке. — То, что по-настоящему делает мужчину мужчиной.

Яков ловко залез рукой в дупло и достал завёрнутый в промасленную тряпку «Маузер». Винтовка блеснула воронёной сталью в лучах солнца.

— Немецкая штучка. Ещё с войны. Смотри, какая красота! — он любовно провёл ладонью по прикладу. — И главное — в полном порядке. От немца досталась, который в меня целился.

У Вовки поползли мурашки по спине — стало страшно. Значит, Яков может и человека убить... Вовка зачарованно смотрел на оружие. Оно выглядело совсем не так, как самопал: солидное, настоящее, внушающее уважение и страх.

— Давай, бери, — Яков протянул винтовку. — Чувствуешь, какой баланс? Вот так держи, приклад к плечу. Теперь смотри в прицел. Видишь вон ту поляну?

Он повёл Вовку за собой. На краю поляны, прислонённая к стволу сосны, стояла мишень: силуэт человека, вырезанный из фанеры и одетый в старую шинель, брошенную кем-то в лесу. Ветер слегка покачивал эту жутковатую фигуру, создавая иллюзию движения.

— Это наш враг, — тихо произнёс Яков, становясь позади Вовки и помогая ему правильно взять винтовку. — Тот, кто хочет отнять у нас всё: дом, семью, свободу. Прицеливайся.

Вовка посмотрел в прицел. Силуэт покачивался на ветру, то появляясь, то исчезая между ветвями. В горле пересохло.

— Я... я не могу, — прошептал он.

— Можешь, — твёрдо сказал Яков. — Представь, что это тот, кто обидел твою бабу Варю. Или тот, кто хотел забрать твой дом. Сосредоточься на мушке, выровняй дыхание... Теперь плавно жми на спуск. Не дёргай!

Вовка глубоко вдохнул, задержал дыхание и нажал на спуск. Выстрел грохнул, эхом разлетевшись по лесу. Сидящие на деревьях птицы шумно взлетели, создав иллюзию ветра от их взмахов крыльями. Пуля пробила шинель рядом с «головой» мишени.

На мгновение всё замерло. Вовка опустил винтовку, чувствуя, как дрожат руки. В груди бушевали противоречивые чувства: гордость оттого, что попал, и ужас от осознания, что он только что стрелял по фигуре, напоминающей человека.

— Неплохо для начала, — одобрительно кивнул Яков. — Но нужно лучше. Ещё раз. На этот раз целься точнее. Представь, что это действительно враг.

Вовка снова поднял винтовку. Он посмотрел на мишень, потом обернулся и увидел вдалеке Бульку — собака мирно обнюхивала кусты, не подозревая о происходящем.

«Своих не трогаем», — всплыли в памяти слова Якова. Но кто тогда этот силуэт? Почему он должен в него стрелять?

— Яков, а если... если это не враг? — неуверенно спросил Вовка.

— В жизни, братан, нужно научиться отличать врагов от друзей, — серьёзно ответил Яков. — И уметь стрелять первым. Давай ещё раз. Целься в голову.

Вовка сглотнул. Он снова посмотрел в прицел. На этот раз он старался не замечать покачивания мишени, не думать о том, что она похожа на человека. Он сосредоточился на мушке, на дыхании, на ощущении холодного металла под пальцами.

Ещё один выстрел. На этот раз пуля попала точно в центр силуэта.

— Вот это другое дело! — хлопнул его по плечу Яков. — Видишь, когда перестаёшь сомневаться, всё получается. Ты уже почти настоящий боец.

Но Вовка не чувствовал радости. Вместо этого внутри разрасталась пустота. Он опустил винтовку и посмотрел на свои руки — они больше не дрожали, но и не было того восторга, который он испытал после выстрела из самопала.

— Пойдём, — сказал Яков, забирая «Маузер». — Завтра принесём больше патронов. Научим тебя стрелять на дальность.

Вовка молча кивнул. Он обернулся на мишень: силуэт всё так же покачивался на ветру, словно укорял его. В какой-то момент Булька зарычала на мишень, схватила зубами за обшлаг шинели и попыталась её погрызть — это вызвало улыбку Якова.

— Что, решила сама расправиться с нашим врагом? — произнёс он, как бы показывая абсурдность стрельбы по этой мишени.

Булька подбежала, ткнулась мокрым носом в ладонь, и Вовка машинально погладил её за ушами с благодарностью за содеянное.

В голове крутилась одна мысль: «А что, если в следующий раз это будет не мишень?»

В мальчишечьей голове эти несколько дней, насыщенные «боевыми эпизодами», оставили серьёзную отметину. С одной стороны, стрельба из самодельного самопала казалась весёлой игрой, теперь кажущейся невинной игрушкой, а с другой — появление винтовки звучало эхом войны. Больше всего его впечатлила надпись на прикладе — видимо, имя или фамилия — Jurgens, — и рядом несколько десятков зарубок: скорее всего, это количество душ, загубленных из этой винтовки. Немецкому алфавиту Вовку научил Яков.

Вдруг он вспомнил, как баба Варя говорила ему, что убивать — грех, лучше играть с другими детьми в войну, но без настоящих выстрелов.

Вовка находился между двумя уважаемыми им людьми: между миром бабы Вари (тепло, забота) и миром Якова (сила, власть). Кто кого пересилит — между желанием быть «настоящим мужчиной» и страхом причинить вред?

Яков понимал: он главный в этом вопросе. За почти два года он научил всему, что знал сам. Его военная наука пошла впрок: Вовка стал смелым, решительным и дерзким. Он никому не давал спуска. За обиды он колошматил всех вокруг.

Старшие Ковтуны, его родители, не вмешивались в воспитание сына. Во всём доверились бабе Варе. Отец был счетоводом в местном хозяйстве, а мать — дояркой. Вполне мирные люди. Им казалось, что лучшей жизни и не нужно. Никогда никому не завидовали.

Когда Вовка стал ходить в школу, он начал замечать разницу между ребятами. Одни ходили в городских обновках, а другие — в латанных-перелатанных брюках и рубашках, в пальто с чужих плеч. Ему хотелось быть лучше всех: не только в учёбе — по силе и уму, но и по внешнему виду. Родители из города привозили обновки, которые достались от двоюродного брата Валентина, который был на год старше Вовки. Это сын родной сестры отца, вышедшей замуж за городского фотографа Моисея. Жили небогато, но в достатке.

Так что воспитание Якова сильно изменило характер Вовки и его потребности.

Яков стал сильно болеть. Обострились все его болячки, полученные на войне. Он почти не выходил из дому, а жена Мария к нему никого не допускала, кроме местного фельдшера, у которого и лекарств никаких не было, кроме йода и бриллиантовой зелени. Всё нужно было приобретать в районном центре.

После контузии у него появились сильные боли в голове, он стал заговариваться и не узнавать людей. Всё говорило о прогрессирующей болезни, от которой добра не ждут.

Вовке его не доставало, но он стал понимать, что теперь Яков ничему хорошему не научит. В школе было всё интересно, и он с удовольствием постигал науки.

Шёл 1932 год. Вовке было уже девятнадцать лет. За это время он стал коренастым и плечистым парнем, на которого заглядывались все местные красавицы.

В селе началась коллективизация. У всех селян стали отбирать «излишки хлеба», разную живность и сельхозинвентарь для будущих коллективных хозяйств. К осени в стране наступил голод. Он не обошёл село стороной. Первыми стали умирать старики от болезней и голода.

У Якова и его Марички, как он ласково называл свою жену, ничего не было в хозяйстве: даже на огороде, кроме картошки, лука и моркови, больше ничего не росло. Зерновых для хлеба они не выращивали, так что и забирать было нечего. Своих детей у них не было.

В селе вдруг разразился переполох: из дома ушёл мальчишка лет четырёх и пропал. Вовка видел его на огороде Якова, но никому об этом не сказал. У него возникло подозрение, что это дело рук так называемого «братана», которому тоже есть захотелось.

Вовка стал прятать Бульку дома, чтобы её тоже не съели деревенские живодёры. Малыша так и не нашли. Все поговаривали, что это дело рук Якова. Несмотря на подозрения, Вовка ни с кем не поделился, даже с родителями: «Это нас не касается, не наше дело». Он хорошо усвоил науку Якова с голубями.

Теперь однозначно — никаких дел с Яковым. Вовка вспомнил про винтовку в дупле дуба. Он сказал бабуле, что пойдёт в лес поставить силки на зайца. Встал на отцовские лыжи и с Булькой отправился в лес. Мишени он не нашёл: видимо, верёвка истлела, и она упала, а сейчас находится под снегом. Винтовка оказалась на месте. Патронов на первое время хватит. Главное — нужно хорошо прицеливаться, чтобы попасть в зверя и не терять впустую патроны.

Булька бежала по заячьему следу, выгоняя косоглазого на Вовку. Они вернулись с двумя русаками достаточно больших размеров.

Вовка снова поставил винтовку в гнездо, замаскировав свои следы возле дуба. Так они и прокормились семьёй до весны за счёт Якова.

В 1933 году к весне государство стало «помогать» селянам. Привезли мешки с зерном, но раздавали их только тем, кто вступил в колхоз. Остальным намекали: «Не хотите по-хорошему — будем по-другому».

Вовка видел, как соседи спорили у сельсовета.

— Да я лучше с голоду помру, чем в их колхоз пойду! — хрипел дед Михей.

— А дети твои тоже с голоду помрут? — отвечал ему председатель.

Мать Вовки вздохнула:

— Сынок, бери что дают. Хоть горсть муки — а жизнь.

Но отец хмуро покачал головой:

— Эта «помощь» — верёвка. Сегодня зерно, завтра приказ: паши от зари до зари. И не пикнешь.

Вовка смотрел на это с осторожностью. Он помнил, как быстро кончилась еда прошлой зимой и как винтовка в дупле спасла их семью. Теперь нужно было решать: доверять новой «помощи» или готовиться к худшему.

Впервые на следующей неделе в сельсовет привезли настоящие продукты: муку, сушёные овощи, даже немного сахара. Для детей организовали столовую — по миске супа в день.

Вовка впервые за месяцы увидел, как мать улыбнулась, размешивая кашу:

— Смотри-ка, сынок, без лебеды! Настоящая крупа.

В селе оживились: бабы затевали стирку, мужики чинили заборы. На улице снова слышался детский смех — те, кто ещё зимой еле ходил, теперь бегали по проталинам.

Но Вовка знал: эта помощь — как передышка. Впереди посевная, а семян почти нет. И винтовка в дупле дуба всё ещё на месте — на всякий случай.

— Вот и вся помощь, — шепнул отец, когда они с Вовкой шли домой. — Покажут на людях, а по сути — капля в море. Зато в газетах напишут: «Голод побеждён!»

После окончания десятилетки Вовка заметил, что его отец стал чаще с ним советоваться. Значит, оценил его образованность, считался с его мнением.

По утрам, Вовка заметил, что его детородный орган весь в напряжении. Стеснялся спросить кого-то из мужчин, что нужно делать в таких случаях.

Стал чаще всматриваться в девичьи лица в поисках родственной души. Особое внимание у него сосредотачивалось на женских ногах и груди. Хотелось их потрогать. Когда представлял это, снова беспричинно возбуждался. Было непонятное чувство, ни с чем не сравнимое. Этого очень смущался, так как его орган не находил свободного места в штанах. Он его пытался скрыть, прижимая к ноге. Однако штаны всё топорщились, а от этого он ещё больше вызывал мужское желание.

Девчонки из класса уже никому из одноклассников не симпатизировали, так как рядом уже были ухажёры из старших классов, после окончания школы работающие в колхозе.

Вовке понравилась девушка Лида Скоморохова, на один год младше, из бедной семьи. В селе поговаривали, что у неё был богатый ухажёр то ли сожитель, видимо, из-за нужды: чтобы прокормиться, она шла на компромиссы. Вовка, видя её положение, начинает ей помогать: делится едой из столовой для детей, чинит забор у дома. Постепенно уважение перерастает в привязанность.

Как-то Вовка заметил Лиду у колодца — она пыталась поднять ведро, но руки дрожали. Он подошёл молча, взял ведро, поставил на скамью.

— Опять одна? — спросил, не глядя на неё.

— А кто со мной будет? — горько усмехнулась она. — Те, кто был, давно в городе. А я вот... застряла.

Он кивнул, взял ведро и понёс к её избе. По дороге оба молчали, но Вовка вдруг подумал, что впервые за неделю не вспоминает про винтовку в дупле.

Один из бывших ухажёров Лиды (активист сельсовета) начинает её преследовать. Вовка вмешивается — сначала из чувства справедливости, потом осознаёт, что не может остаться в стороне. Его поступок становится точкой отсчёта для отношений.

— Ну что, красавица, опять одна? — голос Григория звучал слишком громко для вечерней улицы. Он схватил Лиду за локоть.

Вовка вышел из-за угла. Он не планировал вмешиваться, но что-то в её взгляде — испуг, стыд — заставило шагнуть вперёд.

— Отпусти, — сказал он ровно. — Она никуда с тобой не пойдёт.

Григорий обернулся, прищурился.

— О, защитник нашёлся! А ты знаешь, с кем она раньше была?

— Знаю, — Вовка сделал шаг ближе. — Но сейчас она здесь. И ты её отпустишь.

Григорий побаивался Вовку, хотя на два года был старше его. Он помнил, что в драке Вовка двоим гонористым челюсти сломал. Отношения с Лидой развиваются на фоне давления колхоза. Лида — из семьи «активистов», но сама не верит в новую власть. Их встречи — побег от реальности. В какой-то момент Вовка должен выбрать: подчиниться требованиям сельсовета (например, донести на Лиду) или рискнуть всем ради неё.

Они сидели на берегу реки, где их никто не мог увидеть. Лида теребила край платка — того самого, что Вовка купил на последние карточки.

— Говорят, тебя в бригады прочат, — тихо сказала она. — Будешь за порядком следить.

— Не пойду, — отрезал Вовка. — Не стану ни за кем следить.

Она подняла глаза — впервые за вечер.

— А если заставят? Если скажут: или ты, или...

Он накрыл её руку своей.

— Или я. Всегда «или я» с тобой.

— Ты ведь знаешь, что я не ангел, — Лида смотрела в сторону, на закат, окрашивающий избы на другой стороне реки в рыжий цвет.

— Я тоже, — Вовка повернулся к ней. — Но если мы вдвоём — может, хоть что-то получится.

Лида поскользнулась на глинистой тропинке у реки. Вовка машинально подхватил её за локоть. На мгновение их пальцы соприкоснулись — её рука была ледяной.

— Спасибо, — прошептала она, не поднимая глаз.

Он не отпустил сразу. В этом касании было больше правды, чем в сотне слов: она позволила ему помочь, а он — не отпрянул, узнав, кто она.

По телу прошла волна жара — не от прикосновения, а от осознания: он хочет её ещё больше прежнего.

— Вовка... — Лида подняла голову. Её глаза были совсем близко, в них отражался закат — алый, как кровь.

Он не успел подумать. Просто наклонился и коснулся губами её губ. Мягко, неуверенно.

Лида замерла на мгновение, а потом ответила — сначала робко, потом смелее. Её руки скользнули ему на плечи, пальцы вцепились в грубую ткань рубахи.

Когда они оторвались друг от друга, оба тяжело дышали. Вовка смотрел на неё и не узнавал: та самая Лида, которую все осуждали, теперь была... его. Только его.

— Я... я не должен был, — начал он.

— Должен, — перебила она. — Давно должен был.

Вовка не привык доверять эмоциям. Его симпатия и любовь к Лиде родились из уважения к её силе — она выживает, несмотря на осуждение. Остаётся такой же красивой и теперь такой близкой и родной.

Вспомнил, как неделю назад на сельском собрании председатель кричал:

— Кто не в колхозе — тот враг!

Бабы кивали, мужики отводили глаза. Вовка заметил, как Лида, стоявшая у двери, побледнела. Её семья не вступила в колхоз — значит, она «враг».

Он вышел вперёд.

— А если мы вступим, но будем сеять так, как сами решим? По-честному?

В зале загудели. Лида подошла к нему, встала рядом.

— Да. Мы будем работать. Но не по указке, а по совести.

Председатель побагровел, но замолчал. Вовка и Лида стояли плечом к плечу — не любовники, а союзники.

После сельской сходки Вовка с Лидой возвращались домой вместе.

— Они говорят: «Голод побеждён», — Лида пнула камешек на дороге. — А я вижу, как дети едят лебеду.

Вовка кивнул.

— Отец тоже говорит: «Капля в море». Но в газетах напишут — «Победа».

— И что делать? — она посмотрела ему в глаза. — Молчать?

— Не молчать, — Вовка сжал кулаки. — Но и не кричать. Просто жить так, чтобы не врать самим себе.

Лида улыбнулась — впервые за долгое время.

— Ты думаешь так же... Я боялась, что один ты...

— Не один, — перебил он. — Теперь не один.

Этот случай ещё больше сблизил их.

Под вечер Вовка возвращался домой. Заметил, как Лида несёт воду из колодца — два ведра за раз, спина прямая, будто не чувствует тяжести. Бабы у забора шепчутся, показывают пальцами, а она идёт не оборачиваясь.

«Упрямая», — подумал Вовка. И вдруг поймал себя на том, что смотрит на неё дольше обычного, по-другому. В груди что-то ёкнуло — желание овладеть её упругим телом, — стран-

ное тепло заполнило плоть и приятно защемило внизу, будто он наяву увидел что-то настоящее, желанное.

Он подошёл, взял у неё вёдра.

— Давай помогу.

Она подняла глаза — в них была благодарность, но и вопрос: «Ты уверен?»

Вовка поставил вёдра на землю, взял её за руки.

— Уверен. Мы справимся. Вместе, — не обращая внимания на осуждающие взгляды деревенских баб у забора.

Зашли в дом. Вовка, как само собой разумеющееся, закрыл двери на щеколду — чтобы никто не помешал их разговору, не нарушил эту редкую минуту уединения. Он сделал это нарочито решительно, будто подводя черту под чем-то прежним. Дал понять Лиде, что больше не может скрывать то, что давно живёт в его сердце.

Лида замерла, глядя на него. В её глазах читались и страх, и надежда — будто она боялась поверить в то, что вот-вот произойдёт.

Вовка шагнул ближе и осторожно взял её за руки. Его ладони были тёплыми и твёрдыми, а голос — непривычно мягким.

— Я больше не могу без тебя, — сказал он просто. — Хочу быть рядом. Всегда.

Лида подняла глаза, и в этот миг всё лишнее, наносное — слухи, давление, страх перед осуждением — отступило. Остались только они двое, их дыхание, стук сердец, которые вдруг стали биться в унисон.

Она не ответила словами. Вместо этого сделала крошечный шаг вперёд и прижалась к его груди. Вовка обнял её — сначала робко, потом крепче, будто пытаясь защитить от всего мира.

Они стояли так долго, слушая тишину, нарушаемую лишь треском дров в печи да далёким криком ночной птицы. В этом объятии было больше правды, чем в сотне клятв: они больше не одни.

— Останься со мной, — прошептала Лида, уткнувшись ему в плечо. — Хотя бы до утра.

— До утра, — повторил Вовка, глядя её по волосам. — И послезавтра. И всегда.

За окном шумел ветер, а в доме, согретом их близостью, царили покой и уверенность: что бы ни случилось завтра, они встретят это вместе.

Ещё сильнее прижалась к Вовке, ощущая его твёрдую плоть. Перехватило дыхание, и она от желания вся задрожала. Когда он вошёл в неё, она застонала. Вовка тихо спросил:

— Тебе больно?

— Не-ет... — так же тихо Лида ответила ему. Потом, не стесняясь, громко стонала, осыпая поцелуями лицо и грудь своего любимого и желанного. Вовка с упоением целовал её упругие девичьи груди и животик, коленки и бёдра. Это ещё больше возбуждало обоих. Незведанное ранее чувство, появившееся у Вовки, казалось сказочным счастьем. Оно продолжалось до самого утра, пока их измождённые тела не слились в одно целое...

Утро встретило их мягким светом, пробивающимся сквозь щели старых ставен. Лида приоткрыла глаза и на мгновение замерла, осознавая, где находится и кто держит её за руку. Вовка спал рядом, лицо его в рассветных лучах казалось непривычно беззащитным.

Она осторожно высвободилась, чтобы не разбудить его, и подошла к окну. За ночь ветер утих, а на траве блестела роса — будто тысячи крошечных звёзд упали с неба. Лида улыбнулась, впервые за долгое время чувствуя не тяжесть на плечах, а лёгкость.

Вовка зашевелился, сел на кровати.

— Ты уже проснулась? — хриловато спросил он.

— Да, — она обернулась, и в её взгляде было то самое тепло, которого он так ждал. — И знаешь что? Сегодня всё будет иначе.

Новости в селе разносятся быстро. Уже к полудню бабы у колодца перешёптывались, кивая в сторону дома Лиды. Кто-то осуждающе качал головой, кто-то ухмылкой улыбался.

Григорий, встретив Вовку на улице, остановился, прищурился.

— Ну что, герой, добился своего? Думаешь, она теперь твоя навеки?

Вовка выпрямился, глядя ему прямо в глаза.

— Она не «моя» и не «твоя». Она — Лида. И я буду рядом, пока она этого хочет. А ты оставь её в покое. Навсегда.

Вокруг стало тихо. Даже куры перестали копать в пыли. Григорий сжал кулаки, но, встретив спокойный взгляд Вовки, лишь махнул рукой и пошёл прочь.

Вечером они снова сидели на берегу реки, но теперь уже не прячась. Лида положила голову Вовке на плечо.

— Говорят, в соседнем селе нужны рабочие руки. Там новый колхоз, но люди сами решают, как сеять.

Вовка помолчал, глядя на закат.

— Хочешь уехать?

— Не хочу, — она вздохнула. — Но и здесь оставаться... Мы ведь не сможем жить, оглядываясь на каждый шепоток.

Он повернул её к себе, взял за руки.

— Ты ведь уйдёшь на флот? — спросила Лида, бросая камешки в воду.

— Да, осенью. Отец говорит, там хоть кормят.

Она кивнула, не удивляясь. Потом повернулась к нему.

— А если не уйдёшь? Если останешься?

Вовка замер. Этот вопрос он гнал от себя. Остаться — значит подчиниться колхозу, стать «своим» для тех, кто травил Лиду. Но в её глазах не было просьбы — только ожидание.

— Остаться... — он произнёс это вслух впервые. — Остаться с тобой?

Лида пожалала плечами.

— С нами. Со мной, с теми, кто ещё верит, что можно жить не по их правилам.

— Призыв на службу от меня не зависит. Дадут приказ — и вперёд, ноги в лыжи, — сказал и оторопел. Вовка отводит взгляд, сутулится рядом с Лидой, исправил свою ошибку: — Значит, уедем. Вместе. Там, где нас никто не знает, мы начнём сначала. Построим свой дом, свою жизнь. Без лжи и страха, — сказал он уверенно, понимая, что запнулся, но заставил себя продолжить. Лида улыбнулась — на этот раз открыто, свободно.

Ночью Вовка пришёл к дубу. «Дупло в нём — это тайник Якова, хранилище тьмы, **как в сказке**. Там лежит не только винтовка, **но и** прошлое, которое может вернуться назад», — подумал Вовка.

Винтовка лежала на месте, холодная, надёжная. Он провёл рукой по прикладу — столько раз она спасала их семью...

Но сейчас он не чувствовал тревоги. Вместо страха — странное спокойствие. Он вспомнил глаза Лиды, её улыбку без горечи, её слова: «Остаться с нами».

Вовка закопал винтовку глубже, засыпал землёй, прикрыл листьями.

— Хватит, — прошептал он. — Пора попробовать жить без неё.

Утром из сельсовета принесли повестку в военкомат на медкомиссию для подготовки к службе на флоте.

Отец хмуро посмотрел на сына.

— Так что, Вовка? Флот — это порядок, дисциплина. А здесь...

— Здесь — Лида, — перебил Вовка. Впервые он осмелился перечить.

— Она будет тебя ждать и жить у нас как член нашей семьи. Не пропадём. Она девка работающая. Будет нам помогать.

Баба Варя тоже одобрительно закивала головой. Мать вздохнула, но в глазах мелькнуло одобрение. Отец помолчал, потом кивнул:

— Смотри сам. Но если что — винтовка в дупле.

Вовка улыбнулся.

— Не понадобится.

Вечером Вовка и Лида шли по деревне. Бабы шептались, дети показывали пальцами, но они не замечали. Они говорили о сборе урожая на огороде, о посевах весной, о том, как починить мост через реку. Обычные дела — но теперь они делали их вместе. Вечером они снова сидели на берегу реки, молчали после разговора о предложении отца переехать к ним. Где-то вдалеке лаяли собаки, доносились голоса — село жило своей жизнью, но здесь, у воды, было тихо.

Лида зябко повела плечами. Вовка, не раздумывая, обнял её за плечи, притянул к себе. Она не сопротивлялась, прижалась щекой к его груди.

— Тёпло, — прошептала она. — Я согласна. Не чужие они теперь мне.

Вовка обрадовался.

Он чувствовал, как успокаивается её дыхание, как расслабляются напряжённые плечи. И сам вдруг ощутил такую полноту, какой не знал раньше. Будто всё, что было до этого, — только ожидание.

Вовку призвали в Армию в 1937 году. Так как он окончил среднюю школу с хорошими отметками, его направили учиться на офицера. Техников-интендантов готовило Военно-морское хозяйственное училище в Старом Петергофе. Лида уже ждала ребёнка.

Первое своё фото в форме курсанта военно-морского училища отправил жене, через месяц, после приёма присяги. Все были очень рады, полученной весточке.

Перед окончанием первого курса в мае Вовка становится отцом. Родившуюся девочку назвали Оксаной

Учёба давалась легко: дисциплина, выработанная под наставничеством Якова, и природная смекалка помогли ему освоить тактику, строевую подготовку и административные дисциплины.

Вовка окончил училище с отличием и получил звание лейтенанта административной службы. Его направили для службы под Ленинград в истребительный авиационный Краснознамённый полк ВВС Балтийского флота. Первое время он чувствовал себя чужим среди кадровых военных. Но постепенно освоился: вёл учёт снабжения, контролировал распределение продовольствия, составлял отчёты. В душе он всё ещё помнил уроки бабы Вари о милосердии и старался, чтобы пайки доходили до тех, кто в них больше всего нуждался.

Лейтенант Ковтун быстро освоился в авиационном полку. Его скрупулёзность и умение вести учёт произвели впечатление на командование: уже через полгода он отвечал за снабжение трёх эскадрилий.

Переехавшая к нему жена с дочерью за несколько лет совместной жизни столкнулись с массой бытовых проблем, которые не решались из-за отсутствия средств. Жили на одну зарплату мужа. За три месяца до начала войны пришлось их отправить снова к родителям, где им пришлось пережить оккупацию до лета 1943 года.

Первые месяцы войны были адом: налёты, нехватка продовольствия, эвакуация семей офицеров. Вовка, как мог, распределял пайки, следил, чтобы лётчики получали положенное.

В январе 1943 года Вовка принимал участие в прорыве блокады Ленинграда. За усердие и участие в боях был награждён медалью «За оборону Ленинграда», но он об этом не знал, так как пропал без вести в конце апреля 1943 года. На войне так часто случается.

В апреле 1943 году лейтенант Ковтун был командирован в прифронтовую зону — проверять снабжение аэродрома под Смоленском. По дороге их колонна попала под массированную бомбёжку.

Вовка помнил вспышки взрывов, крики, запах гари и металла. Он очнулся в темноте, придавленный обломками кузова. Когда выбрался, вокруг были только трупы и дымящиеся машины. Его форма была в клочьях, документы сгорели.

На третий день скитаний его поймали немецкие патрули. Он не сопротивлялся — сил не было. В лагере для военнопленных он провёл месяц, голодая и наблюдая, как слабеют и умирают товарищи.

Однажды его вызвали к офицеру СД. Тот говорил по-русски с акцентом:

— Вы образованный человек, лейтенант. Окончили офицерскую школу. Нам нужны такие люди. Вы можете получить форму, паёк, власть. Или остаться здесь — до лета, до смерти.

Вовка молчал. Он вспоминал голод 1933-го, Бульку, мишень на ветру. В голове звучали слова бабы Вари: «Убивать — грех». Но рядом кашлял умирающий сосед по бараку — от голода и воспаления лёгких. Ему стало страшно, что умрёт в немецком лагере, как многие военнопленные и никто не узнает, как и за кого воевал. Вспомнил Якова, который его назвал «Бомбой немецкой». Подумал: «Может мне перекантоваться у немцев, а потом взорвать всё к чёртовой матери, при первой возможности» Его обрадовала эта мысль, схитрить как Яков учил...

— Что я должен делать? — хрипло спросил он.

Офицер улыбнулся.

— Сначала — выжить. Потом — служить порядку.

Снова вспомнились наставления Якова: «В жизни, братан, нужно научиться отличать врагов от друзей. И уметь стрелять первым. Давай ещё раз. Целься в голову».

Его направили в небольшой городок на территории Белоруссии. Теперь он носил немецкую форму с повязкой полиция. Сначала задания были «простыми»: проверка документов, патрулирование улиц, обыски.

Но вскоре приказы стали жёстче. Вовку заставили участвовать в облавах на партизан, в расстрелах «подозрительных» — стариков, женщин, подростков. Он выполнял приказы с каменным лицом, отдавая команды, отводя глаза. Наконец он понял: всё не так просто, как он размышлял — «перекантоваться» у немцев, согласившись на сотрудничество.

Однажды, во время обыска в деревне, он увидел мальчишку лет десяти — тот смотрел на него так же, как когда-то он сам смотрел на мишень: с ужасом и непониманием. Вовка резко отвернулся и приказал:

— Отпустить. Ребёнок ни при чём.

Это заметили. Старший полицей, рыжий здоровяк Штольц из прибалтов, подошёл вплотную.

— Ты что, Ковтун, забыл, кто ты теперь? Ты — наш. Или ты с нами, или ты — с ними.

Вовка сжал кулаки. Он знал: следующий раз отговориться не получится.

Вовка всё глубже погружался в пучину преступлений. Участвуя в карательных операциях на территории Белоруссии, он старался не смотреть в глаза жертвам, отдавал приказы отрывисто, почти не поднимая взгляда. Но однажды всё изменилось.

Во время очередной облавы партизаны дали отпор. В суматохе боя Вовка отстал от своих, был ранен и попал в руки немецкого патруля. Его приняли за советского диверсанта и отправили в концлагерь.

Там, в бараке №7, он встретил старого солдата по фамилии Смирнов. Тот, заметив растерянность Вовки, шепнул:

— Документы. Нужно добыть документы погибшего. У нас тут один помер вчера — лейтенант Абросимов. Ты на него чем-то похож...

С риском для жизни Вовка подменил личные вещи и стал «военнопленным Абросимовым». Теперь он не каратель Ковтун, а жертва нацистского режима.

Когда лагерь освободили советские войска, Вовку (теперь уже «Абросимова») вместе с другими выжившими направили на фильтрацию. Он держался уверенно, рассказывал историю о пленении под Смоленском, показывал «сохранившийся» медальон лейтенанта Абросимова Георгия Ивановича из Ленинграда.

Комиссия поверила. Бывшего полицая, а ныне «узника концлагеря», восстановили в звании и зачислили в действующую армию — на передовую.

В последние месяцы войны он проявил себя неожиданно храбро: под огнём вытаскивал раненых с поля боя; в уличных боях в Восточной Пруссии лично взял в плен трёх немецких солдат; организовал эвакуацию мирных жителей из горящего дома.

За эти действия лейтенант «Абросимов» был награждён двумя орденами Красной Звезды — за личные подвиги и успешное командование ротой автоматчиков при освобождении Белоруссии, получил звание старшего лейтенанта. К концу войны орденом Отечественной войны II степени — за проявленное мужество в наступательных боях при взятии Кёнигсберга — и получил звание капитана.

После Победы его, как офицера с опытом административной службы, направили на Балтийский флот вначале в комендатуру оккупационных войск в г. Кёнигсберг, потом — комендантом города Пиллау (ныне — Балтийск).

Здесь, среди руин немецкого города, Вовка пытался начать жизнь заново. Он организовывал разбор завалов и восстановление инфраструктуры, следил за распределением продовольствия среди местного населения и советских служащих, старался быть справедливым — лично проверял жалобы, не допускал мародёрства.

Написал письмо на родину с помощью подчинённого, мотивируя, что вывихнул руку, якобы в семью погибшего друга. В пришедшем ответе узнал, что баба Варя умерла, когда узнала о пропавшем без вести Вовке. Лида родила девочку, оставила её родителям Вовки и ушла на фронт мстить за потерянного мужа, где погибла в конце войны. Якова пристрелили партизаны за братание с немцами, как в Первую мировую.

Но ночами его мучили кошмары. Во сне он снова видел лица тех, кого отправил на смерть, слышал крики женщин и детей. Иногда, проходя мимо зеркала, он ловил свой взгляд — и в нём проступало что-то жёсткое, чужое, напоминающее о временах службы полицаем.

Однажды, разбирая архивы немецкой комендатуры, он наткнулся на фотографию — группа полицаяв у виселицы. В одном из них он узнал себя. Фотографию он сжёг, но понимал: прошлое не отпускает. В газетах читал, как разыскивают полицаяв и бывших карателей, служивших фашистам. Стало страшно о возможных последствиях своей жизни. Вначале после войны ему казалось, что за последние годы заслужил прощение, но совершённые преступления перетягивали весы правосудия в другую сторону.

Тайком стал выпивать в однокомнатной квартире при комендатуре. Он начал отращивать бороду, чтобы скрыть шрам, полученный ещё в детстве из-за неосторожного обращения со взрывателем снаряда. Начальство не возражало: считалось, что это поднимет авторитет молодого офицера в управлении городским хозяйством. Проблем в городе было много, но он «служил и выслуживался», как учил его Яков.

Он вспоминал, с каким восторгом Яков говорил о немцах — это сыграло роковую роль в его предательстве и переходе на сторону врага.

Но кому война, а кому — мать родна.

В 1946 году калининградские чекисты сообщали московскому руководству:

«На территории Восточной Пруссии наблюдается большое количество мешочников и спекулянтов из Белоруссии, Смоленской, Калужской и других областей, а также из Москвы... Мешочники и спекулянты бродят по неосвоенным ещё населённым пунктам, занимаются обмолотом хлеба, сбором всевозможных „трофеев“ и скупкой, главным образом посуды, у населения».

О том, что происходило в послевоенной Калининградской области, свидетельствует стандартный отчёт руководства областной милиции о проделанной работе:

«С 1 по 15 февраля 1947 года по городам Калининградской области... вскрыто 8 ранее совершённых преступлений, в том числе два убийства. Завербовано в секретно-осведомитель-

скую сеть 38 человек. Выявлено и взято на оперативный учёт 35 человек уголовного и сомнительного элемента, в том числе 30 притоносодержателей. У преступников изъято 37 стволов оружия... Ликвидированы три группы скотокрадов, арестовано десять человек — участников, и одна грабительская группа в составе трёх человек...»

Первыми немцами, подлежащими бесспорному выселению, стали тридцать тысяч жителей Пиллау — Балтийска. Здесь расположилась новая база Балтфлота, и немцам в этом особо секретном районе делать было нечего. В том числе — трёмстам специально привезённым в закрытый Балтийск из английской зоны оккупации Германии для работы на плавкранах.

Уже в самом начале выселение немцев превратилось в серьёзную экономическую проблему. Сорок восемь процентов специалистов, работавших на предприятиях молодой Калининградской области, были немцами. Депортацию решили проводить постепенно, по мере «прибытия из Советского Союза».

Один из скрытых агентов тайной полиции Германии, находившийся в Балтийске, записался к коменданту Абросимову на приём и показал ему копии его допроса в СД и подписанные документы о сотрудничестве. Задача: продолжать служить, а в случае надобности его найдут. Пароль — такой-то. Этот визит был, как гром среди ясного неба, парализовав работу всей комендатуры.

Приём комендант прекратил, якобы из-за вызова к руководству. Подчинённым он дал команду:

— Не беспокоить. Занят.

Зашёл к себе в квартиру и залпом выпил четвертушку водки. Всё нужно было обдумать и взвесить.

Подумал: «Во что я превратился? Потерял всё: Родину, семью, любовь и уважение людей. Осталась одна ненависть к себе и другим. Надо что-то делать...»

Вовка иногда ловил себя на мысли: «Яков научил меня выживать. Баба Варя — остаться человеком. А теперь мне нужно научиться быть и тем и другим одновременно».

Он вспоминал мишень на ветру, голод, пропавшего мальчишку, Бульку, бегущую по заячьему следу... Теперь всё это казалось далёким сном. Но он знал: эти воспоминания — часть его, и они помогут ему здесь, на новой службе.

Посмотрел на себя в зеркало. На него смотрел капитан береговой службы ВМФ (тогда ещё ВМС) с «мясными погонами», как у интендантов, — с красными просветами на погонах. Чёрная форма и такая же чёрная борода делали его похожим на «мясника» на рынке.

Подумал: «Ничего, прорвёмся! Город небольшой. Немцев всех депортировали. Проблем стало меньше, комендатура на хорошем счету. Надо бы жениться. Всё веселее бы стало». Так и уснул, сидя за столом, с прерванными мыслями о своём будущем.

Проснулся в три часа ночи. Снова мучили кошмары. Приходила покойная Лида:

— Ты забыл о нашей дочери, о родителях! Тебя что, не мучает совесть? — и ушла, даже головы не повернув в его сторону.

После этого он стал ежемесячно отправлять треть зарплаты родителям — как будто в память о друге. Те писали в ответ благодарственные письма и рассказывали о дочери.

Глава вторая

Евгений Спицын — из дворян, поповского роду

Женька родился в Ленинграде в 1922 году. Семья была небольшая. Отца он не помнил. Говорили, что пьяного милицейский патруль пристрелил, когда тот оказал сопротивление при задержании. Был младший брат Николай, разница в один год. Мать работала в прачечной. Денег едва хватало на троих. По вечерам она подрабатывала уборщицей в богатых домах.

На лето мать отправляла Женьку к отцу в деревню. Тот служил в местной епархии протодьяконом, имел просторный дом и большой приусадебный огород. Жалованья на двоих с бабушкой хватало. Женька был не помеха, помогал по хозяйству.

Дед Никодим приговаривал:

— Жень, кушай-кушай. Это тебе не барская еда, а Божья благодать! — ухмыляясь при этом. — Вот твой батенька, бывало, как выпьет, рассказывал, что он боярского роду, из дворян. Значит, и ты барин. Сейчас об этом говорить никому нельзя, а то в Сибирь отправят всю семью. Барин не барин, там всякие годятся на лесоповале!

За время пребывания у деда Женька округлился, окреп и даже по характеру изменился. Он не любил, когда ему перечили или ругали за шалости. Иногда с местными ребятами дрался из за клички «поповский найдёныш».

Бабка Валёнушка — так Никодим называл свою жену Валентину — всё успокаивала:

— Ты не найдёныш поповский, а наше счастье и богатство.

В 1932 году, когда началась коллективизация, деда Никодима раскулачили: забрали весь инвентарь для обработки земли, выгнали из церкви, отобрали землю. Такое горе бабушка Валёнушка не выдержала и умерла. Дед Никодим переехал в Ленинград к дочке, матери Женьки. Даже бороду укоротил, чтобы не признавали в нём священника.

Женькина мать поменяла работу, устроилась посыльной в Ленинградском обкоме ВКП (б). Работа была несложная — главное, молчать — и заключалась в сохранности писем, доне-

сений, телеграмм и других документов, их своевременной доставке адресатам. За это платили хорошую зарплату. Она очень гордилась своей работой: теперь не нужно было подрабатывать.

1 декабря 1934 года произошло убийство Сергея Мироновича Кирова, члена Политбюро и главы Ленинградского обкома и горкома партии. Его убийство стало поводом для процессов и скорых приговоров. Под суд и расстрел тогда попали очень многие.

Для Ленинграда наступили тяжёлые времена. За 1935 год было выселено почти сорок тысяч человек — так называемый кировский поток. В их число попала и мать Евгения — Ирина Спицына. Её осудили как врага народа по 58-й статье. Заключённые, приговорённые по этой статье, назывались «политическими», в отличие от обычных преступников. После освобождения они не имели права поселиться ближе чем в ста километрах от крупных городов.

Её дети и старый больной отец никого не волновали, и судьбой их никто не интересовался. Евгений тогда не знал, что это сакральное имя — Киров — всю его жизнь будет помехой во всём, но не защищать, а противиться ему во всём.

Первый учёный, начавший изучение имён, Павел Флоренский, писал:

«„Что в имени тебе моём?“ — вопрошал поэт. До имени человек не есть ещё человек. Именем познаётся и выражается тип личности. Имя — это судьба».

Проблема соотношения слова, имени и вещи — явление древнее, как само человечество.

Евгений не предполагал, что после войны во время службы и работы на вспомогательном флоте рядом был и ходил по морям лёгкий крейсер «Киров», носящий имя человека, принёсшего столько бед его семье. Желание атаковать «Киров» — это не просто диверсия, а попытка бегства от самого себя. Вовка хочет уничтожить символ прошлого (крейсер — как символ чести и памяти).

Это усиливало его ненависть ко всему советскому после пребывания в немецком плену и освобождения английскими войсками. После концлагеря его отправили в советскую зону, а оттуда репатриировали в Союз.

Сегодня в блокадном Ленинграде Евгений вместе с братом Николаем, вынуждены были после школы подрабатывать на вокзалах, предлагая услуги: почистить обувь, отнести вещи к камерам хранения и прочее. Этого заработка хватало на несколько дней для скромного питания трёх человек.

После ареста матери жизнь братьев Спицыных резко изменилась. Евгений и Николай остались на попечении деда Никодима — больного, сломленного человека, который теперь едва мог прокормить себя и внуков.

Чтобы выжить, братья брались за любую работу: разносили почту (когда дед ещё мог договориться через старые церковные связи), помогали дворникам убирать снег и колоть дрова, чинили велосипеды и санки.

Дед Никодим, несмотря на запреты, иногда проводил тайные молебны на дому — за это платили хлебом или крупой. Но с каждым годом таких «клиентов» становилось всё меньше: люди боялись доносов.

В школе над братьями издевались из-за «поповского» прошлого и «вражеской» семьи. Николай, более вспыльчивый, часто дрался, а Евгений старался держаться в стороне — он понимал, что лишний скандал может привести к исключению из школы, а значит, к потере карточек на бесплатные обеды для сирот.

К 1940 году ситуация немного стабилизировалась. По ходатайству домоуправления деда Никодима взяли сторожем на склад при заводе. Евгений, окончив семилетку, поступил учеником слесаря на судоремонтный завод. Николай, хоть и был младше, тоже устроился туда же — помогал таскать инструменты и мыть полы.

Они снимали комнату в старом доме на окраине, делили одну кровать на двоих и мечтали: «Вот кончим учиться, заработаем денег, снимем квартиру, заберём деда...»

Война ударила внезапно. Уже в сентябре 1941-го кольцо замкнулось. Жизнь превратилась в борьбу за каждый кусок хлеба. Первые месяцы блокады братья держались: работали на заводе — ремонтировали катера для Ладужской флотилии. Стали получать рабочие карточки (250 г хлеба в день) и делились с дедом, которому полагалось всего 125 г. По весне собирали крапиву и лебеду, варили «суп» из столярного клея.

Но к зиме стало невыносимо: завод частично эвакуировали, нормы урезали. Дед Никодим слёг — не мог ходить за водой на Неву, топили буржуйку в холода книгами и старой мебелью. Николай от голода начал терять сознание на работе.

Однажды Евгений нашёл на улице замёрзшую кошку. Он долго стоял над ней, сжимая кулаки, потом поднял и понёс домой. Николай заплакал, когда понял, что брат сделал. Но они съели это мясо — иначе дед бы не пережил следующую неделю.

Спасение пришло неожиданно. На заводе объявили набор добровольцев для работы на Дороге жизни. Евгений записался сразу. Николай хотел пойти с ним, но брат запретил:

— Ты останешься с дедом. Будешь ходить за хлебом, за водой. Будешь его греть. Я буду приезжать, когда смогу.

Каждую неделю Евгений, рискуя жизнью под бомбёжками, переправлялся через Ладогу и привозил немного муки, сушёной рыбы, иногда — кусок сахара. Эти крохи спасали семью.

В апреле 1942 года деда Никодима не стало. Он умер тихо, во сне, сжимая в руках маленький крестик, который хранил все эти годы. Братья похоронили его на Пискаревском кладбище — в общей могиле, без имени.

Летом 1942-го Николая, измождённого, но ещё живого, удалось эвакуировать через Ладогу. Евгений остался на заводе — он не мог бросить товарищей. В последний день перед отъездом братья обнялись.

— Мы встретимся, — сказал Евгений. — После победы. В новом Ленинграде.

— Обязательно, — кивнул Николай, глотая слёзы. — И найдём маму. Где бы она ни была.

1943 год. Николай, окрепший после эвакуации, служил связистом на Северном флоте. Однажды, разнося телефонограммы по штабу, он случайно услышал разговор двух офицеров:

— В Мурманске на судоремонтном заводе работает бригада ссыльных. Говорят, среди них есть бывшая ленинградская учительница...

Сердце ёкнуло. Он не знал, почему решил, что речь о матери, — просто почувствовал. На следующий день Николай упросил командира отпустить его в краткосрочный отпуск «по семейным обстоятельствам» и отправился в Мурманск.

Город встретил его рёвом сирен и запахом мазута. Судоремонтный завод стоял у самой гавани — обшарпанные цеха, дымящие трубы, женщины в ватниках, таскающие тяжёлые детали. Николай бродил между цехами, вглядываясь в измождённые лица, пока не заметил женщину с седыми прядями, выбившимися из-под платка. Она склонилась над чертежом, хмурия брови так же, как когда проверяла его школьные тетради.

— Мама... — выдохнул он.

Она подняла глаза — и вдруг зашаталась. Николай едва успел подхватить её.

— Коленька? Живой... — прошептала она, сжимая его рукав. — А Женя? Где Женя?

Он коротко рассказал о брате, о смерти деда, о блокадных месяцах. Мать слушала, кусая губы, а потом вдруг расплакалась — впервые за долгие годы.

Ирину Спицыну, как и других ссыльных, поселили в бараке на окраине города. В комнате на восемь женщин у неё был свой угол — койка и ящик для вещей. Работала она учётчицей в цехе: сверяла детали, заполняла журналы, помогала инженерам с чертежами. Зарплата была мизерная, но хотя бы кормили в заводской столовой — баландой из трески и кашей из овсяной муки.

Николай остался в Мурманске — его перевели в местный узел связи. Каждую неделю они с матерью ходили на берег Кольского залива, смотрели, как уходят в море конвои с удовольствием для союзников.

— Знаешь, — сказала она однажды, — здесь, среди этих ссыльных, я поняла одну вещь. Нас хотели сломать, заставить забыть, кто мы. Но люди держатся друг за друга. Учительница из Смоленска учит детей читать по вечерам, инженер из Киева чинит радио... Мы всё равно остаёмся собой.

В октябре 1944-го, после освобождения Ленинграда, Николай наконец отправил брату письмо — он служил в Кронштадте в бригаде торпедных катеров Балтийского флота.

«Женя, мы нашли маму. Она в Мурманске, на судоремонтном. Жива, здорова, работает. Пиши сюда — я перешлю. Брат, мы должны быть вместе. После победы — обязательно вместе. Помнишь, как дед говорил: „Семья — это якорь“? Теперь у нас есть шанс бросить его в тихой гавани».

Ответ пришёл через два месяца — потрёпанная открытка с видом Кронштадта:

«Коля, мама! Читал и плакал. Я жив, ранен был, но уже на службе. После войны — только вместе. И найдём способ снять с мамы клеймо „врага народа“. Обязательно найдём. Ваш Женя».

Евгений сообщил брату, что служит в бригаде торпедных катеров мотористом после окончания учебного отряда на Соловках. Был несколько раз в боевых походах. Награждён медалью «За оборону Ленинграда».

Война и пережитые испытания изменили Евгения. Он больше не прятал свои мысли и чувства за маской цинизма, как раньше. В нём пробудилось то, чему учила баба Валёнушка — умение оставаться человеком даже в бесчеловечных условиях. Командиры вторили в период службы на торпедном катере:

— Вот, например, пехота-матушка в окопе держится за землю, а мы, моряки, друг за друга! Эту великую дружбу нельзя забывать никогда.

Он начал вести дневник — не для записи событий, а чтобы разобраться в себе:

«Раньше я думал, что сила — в том, чтобы не чувствовать. Теперь понимаю: сила в том, чтобы чувствовать и всё равно идти вперёд, преодолевая препятствия любой ценой, правдами и неправдами, — всё зависит от обстоятельств».

Март 1945 года. Торпедный катер ТК-212, на котором служил Евгений Спицын, выполнял задание по перехвату немецкого конвоя у берегов Эстонии. Это был катер серии «Д-3» — деревянный, трёхмоторный, оснащённый двигателями Packard 4M-2500. Моторы поставлялись по ленд-лизу и развивали мощность 1200 л. с. каждый. Евгений занимал должность командира отделения мотористов, а весь экипаж катера насчитывал 11–14 человек, включая командира — единственного офицера на борту.

В ходе боя катер получил пробоину ниже ватерлинии. Вода хлынула в трюм, и двигатели заглохли. Евгений, контуженный взрывом, успел вытолкнуть из заполненной водой рубки раненого моториста Шатунова. Они цеплялись за обломки, пока не заметили приближающуюся немецкую шлюпку.

— Русские? — спросил офицер, склонившись над бортом. — Кто из вас старший по званию?

Евгений молча поднял руку — он был старшиной 1-й статьи.

Пленных доставили в лагерь под Лиенаей и разделили. Большинство оставили на месте — для работ в порту. Евгения и ещё троих моряков, имевших следы старых травм или хронических болезней, отправили на допрос в штаб.

Офицер абвера, свободно говоривший по-русски, изучил документы Евгения и задержался на отметке о репрессированной матери. Он усмехнулся:

— Вы, Спицын, пострадали от большевистского режима. Мы можем предложить вам лечение в Гамбурге, а затем — работу при штабе. Или останетесь здесь, с остальными. Выбор за вами.

Евгений молчал. Он вспомнил мать, блокаду, деда Никодима. Вспомнил, как его семью вычеркнули из нормальной жизни. Но мысль о сотрудничестве с врагом вызывала страх — страх перед будущими разборками НКВД или СМЕРШа, которые никого не щадили. Перед глазами всплыли картины голода в Ленинграде, принесённого такими же, как этот абверовец.

— Я останусь с командой, — хрипло ответил он.

Офицер пожал плечами.

— Ваше право. Но подумайте ещё. Мы ценим разумных людей.

После допроса к Евгению подошёл Гена Шатунов.

— Женя, это шанс...

— Шанс на что? — горько усмехнулся Евгений. — На предательство?

— На жизнь, — тихо ответил Геннадий. — Родина там, где есть «жратва», да ещё и уговаривают поработать во имя свободы. — Он заговорщицки добавил: — Потом посмотрим, после войны, кто прав, а кто виноват, и как дальше жить.

Тем временем в руках немцев ещё оставался крупный порт Либава (современная Лиепая), откуда войска постепенно эвакуировались в рейх по морю. Например, переброска резервов из Курляндии в Померанию в начале 1945 года серьёзно помешала 1-му Белорусскому фронту начать наступление на Берлин в феврале. Ожесточённые бои и попытки ликвидировать немецкую группу армий «Север», насчитывавшую на начало мая около 250 тысяч человек, продолжались вплоть до капитуляции Германии.

Удивительно, но шестерых пленных моряков с торпедного катера посадили на один из пароходов для отправки в Германию — в то время как сотни тысяч солдат вермахта ждали эвакуации из Курляндского котла. Пленные моряки не могли понять: почему и для чего?

По прибытии в Гамбург их отправили в медицинский лазарет местной тюрьмы. Условия оказались неожиданно сносными: пленных кормили супом и кашей, меняли повязки, давали витамины.

Однажды врач, доктор Шмидт, задержался у койки Евгения.

— У вас шрам на груди — старый осколок?

— Да, — кивнул Евгений. — Моонзундская операция 1944 года.

— А мать ваша... — Шмидт сделал паузу. — Она была репрессирована?

Евгений напрягся.

— Какое это имеет значение?

— Никакого, — спокойно ответил врач. — Просто я тоже потерял семью из-за политики. В 1938-м моего брата арестовали за «недостаточный энтузиазм» на партсобрании. Он умер в лагере под Воркутой. Мы, Спицын, с вами жертвы разных режимов. Но мы — люди. И должны оставаться ими.

Эти слова задели Евгения за живое. Впервые за годы он встретил человека, который не судил его по штампу в деле, а видел в нём личность.

В тюремном лазарете Евгений подружился с Николаем, Петром и Иваном — такими же моряками, как и он. Они провели там около двух недель.

Однажды Шмидт сказал по секрету:

— Отсюда вас отправят либо в спецшколу абвера, либо в концлагерь — Освенцим, откуда живыми уже не выходят. Вы не первые у нас.

Вербовка абвером и учёба в спецшколе — вот что ждало их теперь. Евгений понимал, что среди отобранных для этой участи были: Геннадий — моторист, Николай — радист, Пётр — комендор и Иван — торпедист. Василий, боцман, умер от гангрены.

Каждый из них осознавал: от выбора сейчас зависит не только их судьба, но и то, кем они останутся в памяти близких. Они переглянулись — в глазах каждого читался немой вопрос: соглашаться или нет?

Все молчали, но Евгений знал: каждый взвешивает одно и то же — предательство или смерть.

Молчание прервал Гена Шатунов:

— Братцы, вы что приуныли? Всё путём. Если не согласимся — всем хана. Будем имитировать полное согласие и покорность, а потом рванём во все стороны.

Все согласились.

— Мы не будем играть по их правилам, — твёрдо сказал Евгений. — Мы сыграем по своим. Если есть группа помощи — найдём её. Если можно бежать — побегим. Но ни одной фальшивой строчки в пользу врага я не подпишу.

Моряки понимали: чтобы выжить и не предать, нужно играть по правилам врага.

Группа, в которую вошли все выжившие, готовилась к атаке на крупный корабль Балтийского флота — операцию планировали провести на торпедном катере типа «Д-3». В спецшколе они тщательно легендировали своё поведение: изображали сломленных, покорных судьбе, чтобы усыпить бдительность абвера. Но втайне вынашивали план побега — ждали малейшей возможности вырваться на свободу.

По ночам в темноте казармы они шептались о побеге, обсуждали маршруты и распределяли роли. Любая ошибка — и всё кончено.

Протоколы допросов, составленные позже в спецшколе, «фиксировали» их мужественное поведение в плену: стойкость перед лицом угроз и даже попытки оказать сопротивление — пусть даже символическое. Это было необходимо для сокрытия истинного положения дел на случай компрометации агентов и их задержания НКВД или СМЕРШем. Об этом знала вся группа, и это сыграло решающую роль в их дальнейшем поведении.

После войны протоколы допросов, сохранившиеся в немецких архивах и подчёркивавшие их стойкость — то, что пленные не выдавали сведений, саботировали приказы и даже предпринимали попытки физического сопротивления, — попали в руки советской контрразведки.

Война сломала их, лагерь ломал. В абверовской спецшколе их научили убивать и притворяться. После 1945-го они растворились в послевоенной неразберихе среди других пленных в одном из концлагерей. Евгений больше не вспоминал про «оставаться человеком». Теперь он знал: главное — выжить. Остальные думали так же.

Их лагерь освободили англичане, но они не торопились передавать советских военнопленных в сектор Группы советских оккупационных войск в Германии. Как и в немецком плену, с каждым беседовали офицеры спецслужб, имея на руках немецкие карточки учёта и другие документы СД.

Всю группу Евгения из пяти человек заставили подписать документы о сотрудничестве в интересах Великобритании. Откажись они — их могли передать советской стороне как немецких шпионов.

Ещё несколько дней они проходили инструктажи: обучение конспирации, связи и другим премудростям шпионской работы. Из них подготовили группу законсервированных агентов — тех, кого засылают в Советский Союз, используя официальные каналы и средства. Они внедряются и проявляют себя лишь в момент необходимости.

После передачи группы Спицына в советский сектор были составлены списки репатриантов. Их отправили на родину на специальном транспорте. Затем все прошли фильтрацион-

ный лагерь, где проверялись сведения о пленении, сотрудничестве с лагерной администрацией, вербовке и прочем.

Члены группы были тщательно подготовлены: заранее продуманные легенды помогли им без проблем пройти проверку.

После войны следы группы затерялись. В 1953 году они всплыли вновь — на этот раз по заданию ЦРУ...

Глава третья

После войны — ни страха, ни покаяния.

В 1948 году, когда капитан Ковтун (всё ещё под именем Абросимова) служил комендантом Пиллау, его жизнь сделала новый, неожиданный поворот.

Однажды вечером, разбирая бумаги в своём кабинете, он заметил на подоконнике аккуратно сложенную записку. На ней было всего три слова: «Завтра. Кафе „Волна“. 17:00». Подписи не было, но внизу стоял едва заметный знак — перекрещённые ключ и перо. Вовка знал этот символ: он видел его в немецких документах времён плена.

На следующий день он пришёл в кафе. За угловым столиком сидел мужчина в светлом костюме — явно не местный. Он поднял глаза и тихо произнёс:

— Лейтенант Ковтун, не так ли? Или вы всё ещё предпочитаете имя Абросимов?

Вовка похолодел. Мужчина улыбнулся.

— Не стоит нервничать. Я не из НКВД. Я представляю интересы другой организации. Скажем так, заинтересованной в людях с вашим... опытом.

Вместо пароля он протянул разорванную банкноту в 100 бон. (Боны американской, британской и французской зон были отпечатаны в США фирмой «Форбс» (Forbes) и помечены литерой F — на лицевой стороне, в малом завитке в правом нижнем углу. Эти заменители немецких марок курсировали во всех оккупационных зонах с декабря 1944 года.)

Вторая половина купюры была у коменданта Абросимова. Сверка условного пароля прошла безупречно.

Это был агент ЦРУ. Он знал всё: и о службе полицаем, и о подмене личности, и даже о фотографии у виселицы, которую Вовка сжёг. Но вместо угроз предложил сделку:

— Мы поможем вам начать свою жизнь заново. Новая биография, документы, возможность уехать туда, где никто не будет задавать вопросов. Взамен — небольшая помощь. Всего несколько встреч, передача информации. Ничего опасного.

Вовка молчал. Он вспомнил кошмары, шрам на лице, который уже не скрывала борода, и понял: это шанс вырваться из замкнутого круга.

— Что нужно делать? — хрипло спросил он.

Агент улыбнулся.

— Сначала — встретиться с нашими людьми в Приморске. Там вас будут ждать двое: бывший полицей, служивший на артиллерийской базе, и бывший матрос-катерник, побывавший в плену. У них есть предложение.

Он помолчал с минуту, рассматривая лицо и руки Вовки Ковтуна, потом продолжил:

— Ваша задача — познакомиться с ними, как говорят, чтобы знать их в лицо: помнить внешний вид каждого в фас и профиль, запомнить тембр голоса, знать имя, отчество и фамилию, другие биографические сведения, адрес места жительства, номера телефонов (рабочий и домашний) и прочее — на ваше усмотрение. Вы назначаетесь руководителем группы, в которой эти два человека будут основными исполнителями главного задания. Время «Ч» (начало операции) будет сообщено дополнительно. Меня разыскивать не нужно. Я сам появлюсь в нужном месте и в нужное время, которое будет сообщено вам.

Через неделю Вовка прибыл в Приморск. В условленном месте — у старой водонапорной башни — его встретил коренастый мужчина с жёстким взглядом.

— Меня зовут Григорий, — представился он. — Я служил на артиллерийской базе под Пиллау. Знаю расположение складов, график охраны, слабые места в обороне. Моя задача — обеспечить взрыв на базе. Это создаст хаос, отвлечёт внимание от главной цели.

Вскоре подошёл второй — высокий, сутулый, с обветренным лицом.

— Я — Евгений, — коротко сказал он. — Бывший катерник. Был в плену у немцев. Знаю фарватер, расположение кораблей, расписание патрулей. Моя задача — организовать атаку на крейсер «Киров», который стоит на рейде.

По мнению Вовки, план был дерзким:

— Взрыв на артиллерийской базе в Приморске должен был произойти ночью. Гриша обещал подложить заряды в трёх ключевых точках — у складов боеприпасов и на командном пункте. Это вызвало бы серию детонаций и панику в гарнизоне.

— Атака на «Киров» планируется на рассвете, когда охрана будет ослаблена. Евгений подготовил группу из четырёх человек — бывших моряков, тоже побывавших в плену, вооружённых бесшумным оружием. Они должны захватить торпедный катер «Д-3», на котором ранее служили, разоружив охрану в лице одного часового с автоматом ППС, стоящего у трапа на группу торпедных катеров, и на крайнем катере нейтрализовать дежурную АСГ (аварийно-спасательную группу) из трёх человек. В четыре утра все спят мертвецы, кроме бодрствующего часового на посту.

— Роль Вовки заключалась в координации: он должен был передать точные данные о графике патрулей и обеспечить «служебную» отлучку нескольких офицеров, чтобы ослабить оборону, а в случае провала — провести зачистку на катере до прибытия представителей МГБ (СМЕРШ).

— Если всё получится, — сказал агент ЦРУ при последней встрече, — вы получите новые документы и билет в любую точку мира. Но если откажетесь или попытаетесь предупредить своих... Вы понимаете.

Вовка кивнул. Он понимал. В голове снова зазвучали слова бабы Вари: «Убивать — грех». Но теперь он думал иначе: «Если не я — найдут другого. А я хотя бы смогу контролировать... минимизировать жертвы».

Он посмотрел на море, где на горизонте виднелся силуэт «Кирова», и тихо произнёс:
— Я согласен.

Вовка подумал: «Прошла такая война, погибли миллионы! Сейчас снова пытаются нашими руками развязать новую войну во главе с США. Нужно что-то делать. Может, в МГБ сообщить и покаяться?» Потом отогнал эту глупую мысль: «Тогда пострадают и мои родители, и дочь, а меня как военного преступника расстреляют. Это невозможно. Пусть всё будет как было».

Его новые соратники тоже затаились, занимались мирскими делами.

В 1945-м, когда отгремели салюты, Евгений приехал в Мурманск. Он изменился: поседел на висках, ходил с тростью после ранения в ногу. Но когда увидел мать с Николаем — бросился к ней, как в детстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.